

Carnival as a Marker of a Modern Deviant Political Culture

Olga I. Oskina

Astrakhan State University, Russia, Astrakhan

E-mail: oskina_olga[at]mail.ru ORCID: 0000-0003-2006-1786

Abstract

The nature of the political carnival has not been fully studied yet, although this phenomenon is more than one hundred years old. As political history shows, carnival political culture arises when people who are not professional politicians begin to rule the state. The intellectual and moral image of these representatives of political elites is so doubtful that one should speak of a systemic failure in their selection. It is among such elites that various kinds of deviations are most noticeable. The total growth of these deviations creates a threat to the classical types of political cultures, giving rise to their crisis form, which is most often defined as a carnival political culture.

The nature of the political carnival is manifested in the cunning of power, in its duplicity, in institutionalized Machiavellianism, which gives the elites the right to act at the discretion of their egoism. Carnival is an illusion of power, the mistake is that power is professional and is in the hands of a real, and not a formal (fictitious) elite. Carnival is the evidence of deviance, a sign of the destructiveness of power relations that have entered the period of their systemic crisis. All the defects of power are precisely revealed in the entrance of their immersion in the political carnival. It is the analysis of these deviations that the present work will be devoted to.

Keywords

Political carnival; elites; deviant; political carnival tools; self-promotion; caricature; crisis.

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Карнавальность как маркер современной девиантной политической культуры

Оськина Ольга Ивановна

Астраханский государственный университет, Астрахань, Россия

E-mail: oskina_olga[at]mail.ru ORCID: 0000-0003-2006-1786

Аннотация

Природа политического карнавала до конца еще не изучена, хотя этому явлению не одна сотня лет. Как показывает политическая история, карнавальная политическая культура возникает тогда, когда государством начинают управлять лица, которые не являются профессиональными политиками. Интеллектуальный и моральный облик этих представителей политических элит столь сомнителен, что следует говорить о системном сбое в их селекции. Именно у таких элит в наибольшей мере заметны различного рода девиации. Суммарный рост этих отклонений создает угрозу классическим типам политических культур, порождая их кризисную форму, которую чаще всего определяют как карнавальную политическую культуру.

Природа политического карнавала проявляется в лукавстве власти, в ее двуличии, в узаконенном макиавеллизме, дающем элитам право поступать по усмотрению своего эгоизма. Карнавальность это иллюзия власти, ошибка в том, что власть профессиональна и находится в руках реальной, а не формальной (фиктивной) элиты. Карнавальность это свидетельство девиантности, признак деструктивности властных отношений, вступивших в полосу своего системного кризиса. Все дефекты власти как раз и выявляются в ходе их погружения в политический карнавал. Именно анализу этих девиаций и посвящена настоящая работа.

Ключевые слова

Политический карнавал; элиты; девиация; инструментарии политического карнавала; само-реклама; карикатура; кризис.

Это произведение доступно по лицензии [Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0
Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

В современном мире сам характер неоднозначных (и порой весьма противоречивых) характеристик действительности, порождает хаос и анархию восприятия и оценки объективной политической реальности. В результате мы имеем дело с противоположными точками зрения на одно и то же историческое событие. И этот плюрализм работает не столько на упорядочение научного представления о природе политической реальности, сколько способствует и усиливает хаотизацию и бессмысленное умножение различных точек зрения.

Политическая девиация означает отклонение от нормы профессиональной компетенции в сторону деградации и фальсификации деятельности. Чаще всего подобного рода отклонения носят карнавальный характер и заставляют исследователей рассматривать политиков в качестве политиканов (т.е. имитаторов), которые случайно пришли в политику или даже случайно вошли во власть. В политической истории подобных случаев много. И эта их множественность заставляет нас выделить эту проблему в отдельную тему комплексного исследования.

Карнавал всегда подразумевает бессмысленную круговерть неких событий, беспредельное метания людей, толчею бесплодных идей и полное игнорирование какого-либо порядка. Это мир произвола политического эгоизма и нарциссизма; мир девиаций и отрицательной селекции элит; это мир надуманных угроз, которые игнорируют реальные угрозы и вызовы. И таким фантазийным миром живут и дышат политические элиты, постепенно утрачивая всякую связь с объективной социально-политической реальностью.

Мы видим, как в настоящее время политический карнавал начинает проникать во все сферы политики (особенно в страны т.н. коллективного Запада), подменять ее, искажать объективную действительность. Общее падение профессионализма политического класса приводит к негативным результатам – запредельная глупость политиков возводится в ранг высшей политики; ценности подменяются суррогатом; идеалы высмеиваются, идеологии разрушаются и т.д., и т.п.

Методология

В настоящем исследовании автор опирается на уже существующие теоретические разработки карнавальной политической культуры (Карабу-щенко, 2020а-в; 2021) и на богатейший эмпирический материал («хроники» текущих политических событий). В качестве уже известных методов исследования, автором в первую очередь используется компаративистика, статистический метод и метод историзма.

Для новых научных тем исследования всегда острым стоит вопрос о выборе конкретных методов исследования и установления точного понятий-

ного аппарата. С каждым годом в научной литературе появляется значительное количество новых терминов, которые описывают новые стороны политической действительности. С нашей точки зрения представляется весьма интересно посмотреть, насколько эти новые понятия помогают нам в описании карнавальной политической культуры, насколько успешно мы можем их применить в исследовании этой сферы социальной действительности. Речь, в частности, идет о таких терминах, как «информационные пузыри», «эхо-камера», «тоннель реальности» и т.д., которые применяются при описании процесса формирования общественного мнения (Барсуков, 2018; Коноплев, 2018; Гуров, 2019; Русаков, 2019; Джавадова, 2020; Толстых, 2020; Шамахов & Межевич, 2021). Использование данной терминологии должно расширить научное поле исследования, сделать его более пластичным и устойчивым кразличного рода критическим замечаниям.

Как элемент политической культуры карнавальность свидетельствует о деструктивности и кризисе легитимности. Уходя в зону «серых» отношений, отдавая предпочтения ненормативным практикам, такие элиты фактически разрушают саму реальность. Если культура есть способ легитимации социальных и политических практик, которые осуществляются через определенные «мыслительные схемы», (Wildavsky, 1987, p. 6) то схемы карнавальной политической культуры характеризуются отсутствием какого-либо позитивного смысла.

Природа политического карнавала: сущность и основные черты

В политической культуре не последнюю роль играют традиции, которые передаются от поколения поколению. Ещё Н. Луман сравнивал современную политику с театральным действием, указывая на то, что традиции во многих странах передаются по наследству, а не приобретаются как приобретается мебель или дома. «Таким образом, страты, выделяемые на основе происхождения, замещаются фракциями знаменитостей; а утверждение о том, что будто бы где-то 'из-за кулис' воздействует невидимая власть, относится к мифологии Модерна, которая объясняет зрителю тот факт, почему сам он не был отмечен [таким же общественным признанием]» (Луман, 2005, стр. 111-112). Политическая карнавальность тоже имеет свои традиции, которые так же передаются по наследству. И тоже не всегда оказываются адекватными для своего времени и нового поколения политиков.

Исторический карнавал всегда был временным нарушением действительности, выходом за рамки действительности. Из этого преднамеренного нарушения и вытекали все особенности карнавала. Он устанавливал свои законы и правила, выбирал свою элиту и своих лидеров. И все они понимали не только кратковременный, но и ложный его характер. Все понимали, что это временно и ложно, но условно принимали эти правила игры.

Чаще всего в политическом карнавале выделяются такие его характеристики (маркеры), как девиантность, игромания, словоблудие, реклама (самореклама), скандальность (мошенничество, спекулятивность, шантаж), абсентеизм, манипуляция (фальсификация), пародийность, осмеяние (как поругание), демагогия, эклектизм, истеричность, эгоистичность, карикатурность и т.д.

Как правило, карнавальная политическая культура имеет дело с различного рода политическими отклонениями. Девиантное поведение (лат. *deviatio* – отклонение, расстройство от англ. *deviant* – отклоняющийся) в политическом карнавале характеризуется устойчивым поведением политиков, отклоняющимся от наиболее важных норм и правил. Это поступки и действия, которые не соответствуют ожидаемым нормам и требованиям.

Чаще всего в качестве главного упрека к участникам политического карнавала является упрек в том, что у них слишком много слов и мало дел. Словоблудие стала визитной карточкой таких карнавальных деятелей. Говорить много и ни о чем, кричать и настаивать на своем, при этом совершенно не понимая сути собственного утверждения, – подобного рода манеры профессионального поведения как раз могут указать на карнавальность происходящего.

Самореклама участников политического карнавала занимает важное место в системе его характеристик. Реклама подменяет собой сам процесс деятельности элит власти. Всё во имя рекламы и ничего кроме рекламы в политическом карнавале нет. Ради собственной рекламы и антирекламы своих врагов такие элиты готовы пойти на все.

Только в рекламе такие элиты могут выглядеть в качестве непосредственно самой элиты. Такой элите реклама нужна для того, чтобы быть как элита и выдавать себя за элиту. Борьба таких элит есть фактически борьба их реклам за право быть главной. Но то, что есть в их рекламе, того нет в действительности. Это война теней. Точнее, масок. Реклама таких элит это реклама того, чем они хотели быть, если бы могли, если бы имели силы и ресурсы. Элит без рекламы не существует. Но в политическом карнавале элиты настолько погружены в зависимость от рекламы, что уже сама реклама становится элитой вместо элиты. Рекламность становится сущностью политического карнавала. Но кроме этой рекламы (самолюбования) у них за душой ничего нет.

Помимо рекламы еще одной характеристикой политического карнавала является скандальность. Скандал является тоже рекламой элит политического карнавала. Посредством скандала такие политические деятели напоминают всем о своем существовании. Поэтому они существуют от скандала до скандала, а если быть точнее – они существуют в самом скандале и благодаря скандалу. Такие с позволения сказать «деятели» весьма часто и охотно прибегают и используют в достижении своих целей мошенничество, спекуляцию, фальсификацию и откровенный шантаж.

Политический карнавал призван скрыть интеллектуальную истерию, за которой стоит растерянность и непонимание текущей политической ситуации. Подмена реальности заключается в том, что «историческими событиями» объявляются малозначительные случаи, а действительно исторические вещи отодвигаются на задний план и игнорируются. Политический карнавал может фальсифицировать все, что угодно. Для него нет ничего святого. Саму фальсификацию легко может выдать за «святое» и тут же над ним надругаться.

Сущность политического карнавала мы можем также рассматривать в качестве проявления абсентеизма (от лат. *absens, absentis* — отсутствующий, англ. *absenteeism*) — приверженцев поведенческой модели, при которой работник систематически отсутствует на рабочем месте и избегает выполнения своих профессиональных обязанностей. Традиционно в политическом дискурсе абсентеизм рассматривается как уклонение от участия в голосовании на выборах, или, в более широком понимании, политическое поведение, характеризующееся бездействием, то есть уклонением от какого-либо политического участия (Джандубаева, 2005). В данном случае речь идет о том, что участники политического карнавала игнорируют выполнять свои профессиональные политические обязанности и занимаются различного рода «ерундой» (пустяками).

Подобного рода карнавальный абсентеизм характеризуется низкой степенью активности, частоты, периодичности или их полным отсутствием в поле публичной политики; это безучастность и бездействие индивида в политическом процессе; демонстративное нежелание политического участия по причине несоответствия политической системы и уровня их профессиональной компетенции; наконец, эта форма политического участия, представляющая собой политическое поведение индивида, не прошедшего достаточную политическую социализацию и, следовательно, имеющего низкий уровень знаний о политической системе и политической культуре (Самаркина & Логунова, 2017; Логунова, 2018). Как индикатор пространства публичной политики абсентеизм иллюстрирует уровень безответности политика — формально он присутствует, но в реальности его нет. Политический карнавал как раз и занимается тем, что имитирует наличие политиков (точнее, политиканов).

Критики склонны изображать участников политического карнавала в карикатурном виде, усиливая и высмеивая их искажения. В этой связи возникает вопрос: если политический карнавал сам по себе уже есть искажение действительности, то карикатура как такое же искажение, выпрямляет или вносит свои искажения в уже существующие. Ответ может быть сформулирован следующим образом: если смех носит конструктивный характер, то он выпрямляет кривизну политического карнавала, а если деструктивный, то усиливает карнавальность как искажение мира объективной реальности.

Те, кого мы относим к участникам политического карнавала, характеризуются тем, что постоянно своими действиями ухудшают свое собственное

положение. Они постоянно принимают ошибочные решения, которые приносят всем вред. Ошибки приумножают их кризис. Но они все равно их продолжают совершать. Упрямство, граничащее со слабоумием, становится их самым главным уязвимым местом.

В описании природы политического карнавала можно использовать уже разработанные приемы, как, например, эффект «horse-racepolitics», который рассматривает политиков как лошадей на скачках (Cappella & Jamieson, 1997). В силу значимости победы на выборах о действующих политиках часто рассуждают как о лошадях на скачках – «отмечают их сильные стороны или подчеркивают слабости – но не обсуждают программы, цели и задачи. Поэтому наблюдается гораздо большая ориентация на данные опросов общественного мнения, позитивность восприятия и рейтинги кандидатов, чем, собственно, на то, что они реального готовы делать. Это необсуждение связано с тем, что, во-первых, радикального отличия в них нет, и, во-вторых, именно получение властных полномочий и позволит реализовывать свои цели и задачи. Отсюда, в-третьих, содержательные моменты уходят на второй план – а на первый выходят сами «скачки» и ставки» (Артамонова & Демчук, 2021, стр.111).

В настоящее время термин «horserace politics» носит расширительную трактовку, которая сближает его с позициями карнавальной политической культуры. «В оптике “скачек” политика стала рассматриваться как стратегическая игра – битва за людское внимание; в ней важны не программы кандидатов, их видения проблем и их решений, а популярность; предвыборные стратегии в центр ставят не программы – а имидж кандидата, ориентируясь на восприятие и рейтинги. В рамках этой игры необходимо навязать определенное видение мира и в его рамках уже рассказать историю, которая не просто спровоцирует отклик – желательно, чтобы она была мобилизационной. Для рассказа же истории необходимо упрощение, поляризация, персонализация и визуализация. Именно поэтому и не требуется четкой программы – важен “выбор” сил добра» (Артамонова & Демчук, 2021, стр.111-112).

Карнавальная политическая культура не признает идентичности, поскольку она выводит нас на классическую политическую культуру. Для политического карнавала идентичность враг, поскольку показывает субъекта в его точных идентификационных параметрах. Поэтому она в первую очередь уничтожает эти связи и основания. Оторвать человека от идентичности, значит сделать его максимально эластичным и подвижным, так как им утрачиваются связи с традицией. Субъект теряет устойчивость, становится маргиналом. Именно это и требуется для процветания политического карнавала.

Следует также напомнить еще об одной особенности карнавальной политической культуры – она искажает самого индивида, его индивидуальность. Еще Ж. Делёз и М. Фуко в рамках концепта общества контроля, отмечали, что место индивида занял «дивид». «Поведение «дивида» реализуется в парадигме «Why not?» (почему нет?). Он может принять участие в различных проектах, и также довольно быстро от них отказаться. При этом дивид не идентифицирует

себя жестко с определенным социальным слоем, группой или организованным мероприятием... как только он вышел, за предшествующий отрезок он ответственности не несет. Тем самым он стал не индивидом («неделимым»), а как раз «дивидом» (не образующим единого «я»). Но и любые образуемые дивидами объединения неустойчивы. Смена партий и организаций, вплоть до придерживающихся противоречащих предыдущим взглядов, выглядит для дивида в современном обществе абсолютно нормальной. Для него скорее важно существование альтернатив, которое становится ценностью, возможность «опробовать» определенные способы действия, а также спокойно отказаться от них в последующем. Настоящее (а лучше настоящее как удовольствие) – вот единственная понятная ему цель (этим, кстати, легко объяснить распространение культуры селфи). И основной причиной здесь будет скорость изменений, с одной стороны, и «безмирность», отсутствие той самой нравственности (Sittlichkeit), с другой» (Артамонова & Демчук, 2021, стр.115-116). «Дивиды» предпочитают упрощенные схемы. Но самое главное они низводят до нуля свою идентичность – они не знают чему им соответствовать и все их попытки постоянно «соответствовать не знаю чему» порождают в этих искусственных конструкциях такое специфическое явление как тотальная анонимность.

Карнавальные миры политической действительности

Само многообразие политической действительности порождает феномен карнавальной политической культуры, создает благоприятные условия для различного рода отклонений, аномалий и искажений. И этому в немалой мере способствуют сами политики, которые самим фактом своего многообразия и разночтения своих мнений способствуют хаотизации политического порядка. Когда властям не удается навести порядок в этой хаотизации и хаос возрастает до угрожающих порядку размеров, и возникает то, что мы в научной литературе называем политическим карнавалом (Карабущенко, 2020а-в; Карабущенко & Гайнутдинова, 2020).

Когда во власти в силу различных карьерных обстоятельств оказываются слабые политические фигуры (или откровенно глупые люди), в политической практике возникают нестандартные ситуации, критическая концентрация которых приводит к аномальным отклонениям, которые мы и называем политическим карнавалом. Такое состояние политики указывает на деструктивность проводимой элитами политики, на перевернутую картину мира и искаженную шкалу ценностей.

В последнее время в политических исследованиях все чаще отмечается о происходящих в этой области изменениях («eventpolitics», «performance politics» и т.д.). Все чаще говорится о предпочтениях и презентациях, а «зонтичных» политических дискурсах, а содержательные (presentation over substance) аспекты отходят на второй план. Именно в рамках «зонтичных» политических дискурсов и происходит переоценка приоритетов, целей,

ценностей и их движение в сторону performance как «представление, спектакль» вместо performance как «результат» (Артамонова & Демчук, 2021, стр.114).

Большинство цитируемых западных политиков являются свидетельством интеллектуальной деградации – они не способны адекватно воспринимать угрозы, так как им не хватает уровня образования (хотя у многих значится учеба в престижных/элитных университетах!). Если в конце XX в. во многих странах западного мира к власти пришло «поколение троечников» («совершенная серость»), то в первой четверти XXI в. их сменило «поколение двоечников» («абсолютное ничтожества»). У них нет моральных ограничений, поскольку они слабо интеллектуально развиты. У них есть гипержелание быть политиком, но нет никаких способностей к этому. Из этого недостатка и рождается то, что мы называем политическим карнавалом и карнавальной политической культурой.

Когда политики в сатирическом свете начинают комментировать действия своих конкурентов, возникает эффект политического карнавала, когда несерьезное вытесняет серьезное из политической действительности. Появление в политике элемента комизма, делает из политиков политиканов, политических клоунов. Последним по времени таким политическим клоуном является президент Украины В.А. Зеленский, в прошлом профессиональный комик. Профессиональным политиком он так и не стал, зато привнес в должность президента массу комического (шутовского). Зеленский все больше напоминает Хлестакова из гоголевского «Ревизора». Он продукт дебилизации украинского общества, для которого мат (упрощение языка) стал нормой их существования (вслед за этим упрощаются до уровня примитивизма и все социально-политические отношения). Его давно уже называют «кровавым клоуном», который решил сжечь свой собственный «цирк» (т.е. Украину). В столь же комическом свете изображают и двух последних президентов США – Д. Трампа и Д. Байдена: первый страдает экзальтированным эгоизмом, второй – старческой деменцией. Оба диагноза указывают на то, что это политиканы карнавального типа, страдающие манией величия, нарциссизмом и низкими качествами профессиональной компетентности.

Если одни политики живут политикой (благоустроивая свое и общественное пространство), то другие в политику играют, воспринимая реальность как некую шахматную партию (в лучшем случае), манипулируя интересами других. Первые считают политику слишком серьезной сферой общественных отношений, решающей судьбы войны и мира и не терпящей беспечного к себе отношения. Вторые полагают, что в политике допустимы любые средства, в том числе и те, которые выходят за рамки классической политики.

Карнавальная политическая культура представляет собой фрагментацию политической действительности с последующей попыткой модуляции из этих фрагментов новых картин политического мира. Как уже говорилось выше, в определении сущности политического карнавала выделяют несколько наиболее характерных его маркеров, таких как игровые традиции, пренебре-

жение классическими нормами профессионализма; абсентеизм, безответственность, игнорирование норм морали и т.д.

Сама объективная политическая реальность состоит из множества отдельных и каждая сама по себе существующих реальностей, которые где-то пересекаются, как-то переплетаются или вообще существуют параллельно друг другу. У каждого имеющего свой вес и авторитет политика возникает свое видение политической действительности. И эти видения чаще всего не совпадают и конфликтуют друг с другом.

Политический карнавал возникает на стыке официального и кулуарного, когда сталкиваются две или более политические реальности. Нестабильность вызывает деградацию и деструкция поглощает все, что могло (было способно) удерживать политику в строгих рамках ее реализма. Политический мир начинает искажаться и извращаться до неузнаваемости. Классицизм сменяется эклектизмом и сюрреализмом.

Политический карнавал – это игра, ставшая основой бытия всех тех, кто отвернулся от объективной реальности в сторону реальности выдуманной. Причем плохо выдуманной и дурно объясненной. Заигрывание с совестью никогда до добра никого не доводило. Заигравшиеся сами себе подписали смертный приговор, но еще этого не поняли.

Карнавальная политическая культура – это попытка уйти от действительности, путем погружения в выдуманный мир. Такую тактику часто сравнивают со «страусиновой». Это впадение в детство, когда некто «прячется в домик», который обходят стороной все невзгоды и беды. Политический карнавал дает иллюзию безопасности и комфорта. Но это временное состояние. Даже можно сказать – кратковременное (См.: Карабущенко, 2021; Карабущенко & Оськина, 2021).

Политический карнавал – это история, которая имеет сослагательное наклонение – у всех есть маниакальное желание все переделать и неоднократно переделать («провернуть обратно фарш»).

Уровень доверия граждан к политикам из политического карнавала всегда находится на максимально низком уровне, порождая скепсис и нигилизм в оценках итогов их деятельности. Недоверие сопряжено с ростом негативизма в отношении таких элитных групп: презрение, высмеивание пороков, скепсис к объяснениям их достоинства и т.д. Иными словами, само несерьезное отношение таких элитных групп к действительности (их элитарный нигилизм и эгоизм) делает их малопривлекательными в глазах общественности.

Участники политического карнавала без зазрения совести формируют свою реальность вопреки здравому смыслу – вопреки этике, логике и объективной оценке действительности. Из этого эгоизма и произрастают все девиации их политического бытия. «Хроники» текущих политических событий указывают на то, что такие политики (политиканы) даже и не понимают того что они говорят, тем более не осознают (или ошибочно осознают) окружающую их объективную реальность. Они тонут в пучине субъективизма. Поэтому

считают, что могут себе позволить пренебрежительное отношение к нормам этики, эстетики и логики.

Когда политика начинает издеваться над моралью и гуманизмом, они не просто переступают через запретную черту, отделяющую человека от зверя, но объявляют себя неким сверхчеловеком, т.е. супер-зверем. Это помещает их по ту сторону разумного.

Инструментарии политического карнавала

В настоящее время социальные сети стали теми самыми вооруженными платформами, с помощью которых власти пытаются повлиять на общественное мнение и подорвать политический авторитет своих конкурентов. Они всеми правдами и неправдами распространяют различного рода дезинформацию, с помощью которой искажают общественные мнения и настроения, сея раздор, вражду, недоверие посредством эмоционального возбуждения публики (Джавадова, 2020).

Политический карнавал не соблюдает информационную гигиену и поглощает любой миф, любой фейк, всякий мусор без разбора. Предвзятость и откровенная склонность к фальсификации становятся основными причинами возникновения т.н. «информационных пузырей», «эхо-камер» и «тоннелей реальности». Данные инструменты позволяют участникам политического карнавала продвигать свои медиопродукты и навязывать их окружающему миру.

«Информационный пузырь» представляет собой состояние интеллектуальной изоляции, когда люди получают только ту информацию, которую желают видеть (Гуров, 2019). Такой индивидуальный контент ограничивает разнообразие информации, с которой человек сталкивается в обычной действительности, и которые содержат как позитивные, так и негативные для него данные. Следует подчеркнуть, что эффект «информационного пузыря» также весьма успешно используется и в отношении дезинформации, чему в немалой мере способствует сама интеллектуальная изоляция объекта манипуляции.

В представлениях об эхо-камерах преобладают мнения о том, что это распространение дезинформации в сообществах единомышленников. Такая дезинформация не вызывает возражений, благодаря тому, что эхо-камера отфильтровывает противоположные голоса и отсеивает противоречивую информацию. Эхо-камеры возникают, когда люди с одинаковыми интересами или взглядами взаимодействуют преимущественно внутри своей группы. Они живут в информационном поле, которое соответствует нормам их группы и способствует сплачиванию их рядов (Русаков, 2019). Эхо-камеры определяют как ограниченное, закрытое медийное пространство, которое в зависимости от необходимости может усиливать сообщения, или напротив изолировать их от возможных опровержений.

В основе «эхо-камеры» лежит метафорический способ описания ситуации, когда участниками политического действия рассматриваются и оцениваются только выгодные для этого сообщества идеи, информация и убеждения. Внутри этой группы ее члены будут сталкиваться только с тем, с чем они уже согласны. Они будут скреплены верой в свою правоту, а все, что находится за пределами эхо-камеры, они автоматически рассматривают как ложное знание. Поэтому всякий, кто с ними не согласен, оценивается ими в лучшем случае как жертва дезинформации, а в худшем – умышленно невежественный человек (Шамахов & Межевич, 2021). Термины «информационный пузырь» и «эхо-камера» часто используются как взаимозаменяемые понятия для описания предвзятых новостей. Разница между ними заключается в типе персонализации, который в основном отвечает за предвзятость. Они подчеркивают нестабильность и относительность существующей информации, указывают на степень доверия/недоверия со стороны конкретной группы лиц. Сторонники этого подхода отмечают, что даже научные выводы, при всей их точности, отражают всего лишь относительные истины, которые при неправильной интерпретации могут еще больше исказить представление человека об окружающем мире.

Что касается третьего понятия – «тоннель реальности» – то здесь тоже отмечается высокий уровень относительности и изменчивости. Процессы в политике могут носить столь стремительный характер, что их аналитическое осмысление может за ними просто не поспевать. Каждое индивидуальное мировоззрение необходимо в этой связи рассматривать как самостоятельный «тоннель реальности», который представляет собой неповторимый набор ценностей и координат движения. Такой тоннель реальности характеризует отдельно взятого человека, который рассматривается в качестве вполне самостоятельного субъекта, со своим отдельным оценочным мнением относительно того или иного политического события (Коноплев, 2018; Толстых, 2020).

Следует отметить, что в карнавальной политической культуре существует самый настоящий хаос различных точек зрения, фактов, мнений, истин и полуправд, что данное состояние, по мнению М. Эдельмана, представляет собой «калейдоскоп потенциальных реальностей», которые борются между собой за право быть главной (Edelman, 1993, P. 235).

Подобный научный инструментарий позволяет работать с новейшими информационными технологиями и выявлять карнавальность на уровне её зарождения. Но поскольку данные термины появились буквально в последнее время, говорить об их эффективности пока еще не приходится. Исследования природы карнавальной политической культуры все еще находятся в методологическом поиске и нуждается поэтому в постоянных уточнениях своих терминологических позиций.

Для нас же очевидным является тот факт, что девиация политического карнавала порождает многочисленные искажения политики и извращения самих политиков. Причем каждый случай подобного рода «извращений»

уникален и требует специального к нему подхода. Именно в этом заключается главная методологическая особенность исследования природы карнавальной политической культуры.

Анализ политической действительности западного мира указывает на то, что власть не просто упростилась, а деградировала и в плане профессионализма утратила целый ряд своих важных компетенций. Время упадка всегда активизировало категории карнавальной политической культуры. Упадок создает самые благоприятные условия для развития девиантного типа политической культуры. Концентрация девиантности в политике приводит к состоянию карнавальности, искажающей объективную реальность.

К современным (особенно западным) политическим элитам накопилась масса вопросов. Некогда передовые (доминирующие) в настоящее время они переживают период серьезного системного упадка и деградации. Девиации в политике чаще всего касаются элиты, свидетельствуя о снижении уровня ее профессиональной подготовленности. И именно эти данные и создают особенно благоприятные условия для всестороннего развития карнавальной политической культуры.

Список литературы

- Cappella, J. N., & Jamieson, K. H. (1997). *Spiral of Cynicism: The Press and the Public Good*. Oxford University Press.
- Edelman, M. (1993). Contestable Categories and Public Opinion. *Political Communication*. No10.
- Wildavsky, A. (1987). Choosing Preferences by Constructing Institutions: A Cultural Theory of Preference Formation. – *American Political Science Review*, 81(1. P), 3–21. doi: 10.2307/1960776
- Артамонова, Ю. Д., & Демчук, В. А. (2021). Современная персонализация политики: Новые подходы к анализу. *Полис. Политические исследования*, 6. С. 108–121. doi: 10.17976/jpps/2021.06.08
- Барсуков, Н. С., & Барсуков, Н. С. (2018). «Эхо камеры» в Интернете: Иллюстрация «эффекта эха» на примере Брексита. *Государство и граждане в электронной среде*, 2, 73–82.
- Гуров, Ф. Н. (2019). Опыт социально-философского осмысления проблемы «фейков» и «пузырей фильтров» в сети. *Проблемы современного образования*, 3.
- Джавадова, С. А. (б. д.). Медиафрейминг, как инструмент влияния на общественное мнение. *E-Scio*, 5(44), 85–93.
- Джандубаева З.З. (б. д.). Абсентеизм как феномен современной российской практики (с. 24).
- Карабущенко, П. Л. (2020a). Карнавальная политическая культура: Политические элиты в поисках утраченной идентичности. – *Вопросы элитологии*, 1(4), 138–164. doi: 10.46539/elit.v1i4.41
- Карабущенко, П. Л. (2020b). Карнавальная политическая культура: Системный анализ основных категорий. – *Вопросы элитологии*, 1(2), 31–62. doi: 10.46539/elit.v1i2.16
- Карабущенко, П. Л. (2020c). Карнавальная политическая культура: Субъекты и объекты театра абсурда. – *Вопросы элитологии*, 1(3), 93–120. doi: 10.46539/elit.v1i3.28

- Карабущенко, П. Л. (2021). Кроличьи норы карнавальной политической культуры элит современного коллективного Запада. Каспийский регион: политика, экономика, культура, 2(67), 109–116. doi: 10.21672/1818-510X-2021-67-2-109-116.
- Карабущенко, П. Л., & Оськина, О. И. (2021). Постправда карнавальной политической культуры элит современного коллективного Запада. – Современные науки и инновации, 2 (34), 187–197. doi: 10.37493/2307-910X.2021.2.20
- Карабущенко П.Л. & Гайнутдинова Е.В. Политическая герменевтика и со-временная элитократия. Вопросы философии. doi: 10.21146/0042-8744-2020-4-58-68
- Коноплев, Д. Э. (2018). Тоннель реальности как функция экономического мышления. Выпуск 1 (411). Вестник ЧелГУ.
- Логунова, В. П. (2018). Понимание абсентеизма в политической науке. Образование, наука, культура: Традиции и современность материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции. Анапский филиал ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет».
- Луман, Н. (2005). Реальность массмедиа. Праксис.
- Русаков, А. Ю. (2019). Эхо-камера в социальных сетях как информационная экосистема. Pravo, ekonomija i menadžment u savremenim uslovima, 273–279.
- Самаркина И.В. & Логунова В.П. (2017). Абсентеизм молодежи как форма политического участия. Общество: политика, экономика, право, 2.
- Толстых, А. И. (2020). Современные технологии воздействия на общественное сознание: Информационные пузыри, эхо-камера и тоннель реальности. Инновации. Наука. Образование, 19, 764–771.
- Шамахов, В. А., & Межевич, Н. М. (2021). Современные информационные технологии: Препятствия и помощники в принятии управленческих решений. Управленческое консультирование, 6 (150).

References

- Artamonova Yu.D. & Demchuk V.A. (2021). Modern policy personalization: New approaches to analysis. Polis. Political Studies, 6, 108–121. doi: 10.17976/jpps/2021.06.08 (In Russian).
- Barsukov, N. S. (2018). Chamber echo on the Internet: Illustration of the «echo effect» on the example of Brexit. State and Citizens in the Electronic Envi-Ronment, 2, 73–82. (In Russian).
- Cappella J.N. & Jamieson K.H. (1997). Spiral of Cynicism: The Press and the Public Good. Oxford University Press. vii +.
- Dzhandubaeva, Z. Z. (2005). Absenteeism as a phenomenon of modern Russian practice. Abstract of the dissertation for the degree of candidate of sociological sciences. M, 24s. (In Russian).
- Edelman, M. (1993). Contestable Categories and Public Opinion. Political Communication. No10.
- Gurov, F. N. (2019). Experience of socio-philosophical understanding of the problem of «fake» and «filter bubbles» in the network. Problems of Modern Education, Number 3. (In Russian).
- Javadova, S. A. (2020). Mediaframing as a tool to influence public opinion. – E-Scio, 5(44), 85–93. (In Russian).
- Karabushchenko P.L. & Gainutdinova E.V. Political Hermeneutics and Co-modern Elitocracy. Voprosy filosofii, 4. C, 58–68. doi: 10.21146/0042-8744-2020-4-58-68 (In Russian).

- Karabushenko, P. L. (2020a). Carnival political culture: A systematic analysis of the main categories. *Issues of elitology*, 1(2), 31–62. doi: 10.46539/elit.v1i2.16 (In Russian).
- Karabushenko, P. L. (2020b). Carnival Political Culture: Political Elites in Search of a Lost Identity. *Issues of Elitology*, 1(4), 138–164. doi: 10.46539/elit.v1i4.41 (In Russian).
- Karabushenko, P. L. (2020c). Carnival political culture: Subjects and objects of the theater of the absurd. *Issues of elitology*, 1. Number, 3 93–120. doi: 10.46539/elit.v1i3.28 (In Russian).
- Karabushenko, P. L. (2021). Rabbit holes of the carnival political culture of the elites of the modern collective West. *The Caspian region: politics, economics, culture*, 2(67), 109–116. doi: 10.21672/1818-510X-2021-67-2-109-116. (In Russian).
- Karabushenko, P. L., & Oskina, O. I. (2021). Post-truth of the carnival political culture of the elites of the modern collective West. *Modern Sciences and Innovations*, 2(34), 187–197. doi: 10.37493/2307-910X.2021.2.20 (In Russian).
- Konoplev, D. E. (2018). Tunnel of reality as a function of economic thinking. *Bulletin of ChelGU*, 1(411). (In Russian).
- Logunova V.P. (2018). Understanding absenteeism in political science (p. 50–52). Anapa branch of FSBEI HE «Moscow Pedagogical State University». (In Russian).
- Luman, N. (2005). The reality of mass media (p. 256). *Praxis*. (In Russian).
- Rusakov, Ay. (2019). Echo chamber in social networks as an information ecosystem (p. 273–279). *Pravo, ekonomija i menadžment u savremenimuslovima*. (In Russian).
- Samarkina I.V. & Logunova V.P. (2017). Youth Absenteeism as a Form of Political Participation (Issue 2). *Society: Politics, Economics, Law*. (In Russian).
- Shamakhov, V. A., & Mezhevich, N. M. (2021). Modern information technologies: Obstacles and assistants in making managerial decisions. Article Two. *Opportunities. Management Consulting*, 6 (150). (In Russian).
- Tolstykh, A. I. (2020). Modern technologies for influencing public consciousness: Information bubbles, an echo chamber and a reality tunnel. *Innovations. The Science. Education*. No, 19, 764–771. (In Russian).
- Wildavsky, A. (1987). Choosing Preferences by Constructing Institutions: A Cultural Theory of Preference Formation. – *American Political Science Re-View*, 81(1), 3–21. doi: 10.2307/1960776